ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ

ЮТА БОНДАРОВСКАЯ

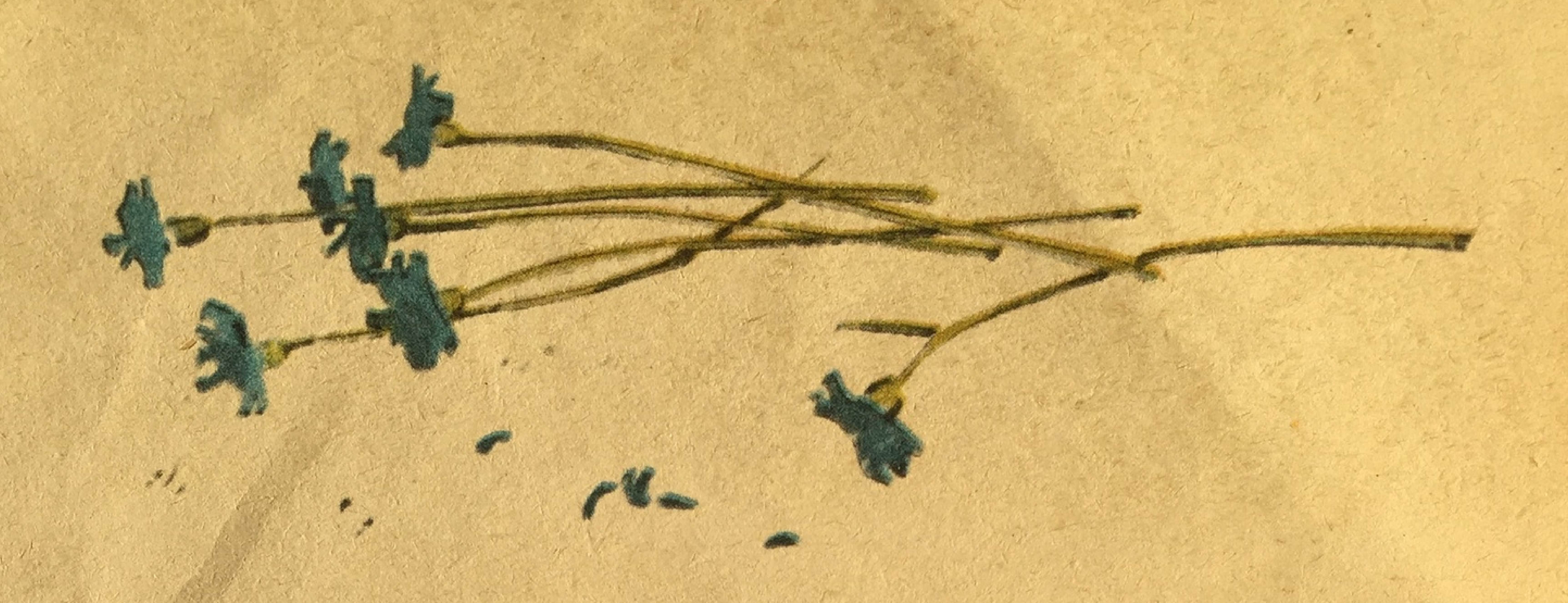

Ж. БРАУН

ЮТА БОНДАРОВСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1981

Настало лето. Кончились занятия в школе, а Ютиной маме не давали на работе отпуск.

Все Ютины подруги давно разъехались: кто в пионерский лагерь, а кто с родителями на дачу. Двор опустел, и Юте казалось, что она одна все летние каникулы проведёт в душном и жарком городе.

Но однажды мама получила письмо от тёти Вари, двоюродной сестры из-под Пскова.

— Варя просит, чтобы я привезла тебя к ней в деревню на всё лето. Пишет, что Павел Иванович, учитель, организовал для ребят разные кружки и тебе не будет скучно, — грустно сказала мама, прочитав письмо, и вздохнула, — а я не могу оставить работу даже на один день.

— Мамочка, а если я поеду одна? Ты меня посадишь, а тётя Варя встретит... Ведь я уже большая...

— Одна?! — Мама испуганно посмотрела на Юту. — Нет, нет...

— Ну, мама, ничего со мной не случится, вот посмотришь! Я тебя очень прошу. Ты же сама говорила, что на меня можно надеяться. Ведь говорила, правда же?!

— Говорила, — мама улыбнулась, потом снова вздохнула и задумчиво прошлась по комнате. Юта тревожно смотрела на маму и ждала.

— Ну хорошо, — наконец сказала мама, — я подумаю.

— Ой! Спасибо, мама! — обрадовалась Юта.

Если мама говорит «я подумаю», значит, скорее всего, согласится. А как это будет здорово! На целое лето в деревню! И Юта поедет одна, как взрослая!

Всю неделю, пока длились сборы в дорогу, Юта всё-таки боялась, что мама передумает и не отпустит её одну. И только тогда, когда поезд тронулся и за окном последний раз мелькнуло взволнованное лицо матери, Юта окончательно успокоилась.

Наконец-то и для неё началось лето!

* * *

Но лета в этом году не стало. Не стало вдруг. Июньской прозрачной ночью.

Война заслонила солнце от людей чёрными крестами самолётов.

Война грязным дымом пожарищ закоптила небо. Юта видела по ночам, как горело и рвалось оно в той стороне, где был Ленинград, где осталась мама...

Видела, как шли и шли через их деревню беженцы. Горбатые от узлов с пожитками. Видела, как молча уходили на войну мужчины. Слышала, как плакали женщины, провожая на войну мужей, отцов, сыновей.

И сердце её сжималось от горя и ненависти.

* * *

Павел Иванович сидел возле избы на бревне и чинил сапоги. Изба стояла на высоком кустистом взгорье возле реки, и отсюда учителю была хорошо видна вся деревня. Чёрный обгорелый сруб на том месте, где ещё недавно стояла новенькая двухэтажная школа.

Колхозный клуб. Возле крыльца колхозного клуба днём и ночью стояли немецкие часовые.

Юта перелезла через забор и села рядом с учителем. Тоненькая, грустная.

— Дядя Павел, правду говорят, что немцы Ленинград окружили?

— Правду.

Павел Иванович достал из железной коробки горстку гвоздей и быстрыми ударами молотка начал вгонять их в подмётку.

— Но там же моя мама! — сказала Юта. — Мама моя там, а я здесь и... и... — голос у Юты задрожал. Она закрыла ладонями лицо и всхлипнула.

— Ну, подумай сама, разве им Ленинград взять? — Павел Иванович надел сапог и притопнул ногой. — Ни за что не взять — кишка тонка! Кишка тонка, — повторил учитель и засмеялся. Беззвучно и зло. Вот так же вчера смеялись тётя Варя и соседский дед Иван, когда на станции раздался взрыв.

Юта перестала плакать.

— Дядя Павел, правду говорят, что у нас в лесу партизаны есть? Будто они вчера целый поезд с танками подорвали?

Павел Иванович достал кисет.

— Может, и верно говорят, а может, и нет, — сказал он не сразу, — чего не знаю, того не знаю. Всё может быть.

— Эх, уйти бы к партизанам! — Юта вздохнула. Потом повернулась к учителю и прошептала горячо: — Ведь я же пионерка! Я же клятву давала! Вот, смотрите, — Юта вытащила из кармана кончик красного пионерского галстука. — Он всегда со мной. Что делать, дядя Павел?

— Расти, Ютик, расти — твоё самое главное дело, — серьёзно сказал учитель. Он посмотрел на тот край деревни, где стояли гитлеровские солдаты, и добавил: — Партизаны есть ли, нет, не знаю, а вот галстук свой спрячь подальше... пока.

— Эх, вы... Я-то думала... расти, расти... Как же можно расти, когда кругом одни фашисты?! Не верите вы мне, вот что!

Павел Иванович поднялся. Стиснул плечо Юты железными пальцами.

— Не дело кричать о таких вещах на всю улицу. Большая. Поняла, ленинградка? Беги!..

Учитель ушёл в избу, и Юте показалось, что она осталась одна на всём свете. Никому не нужная.

Юта сидела на полузатопленной лодке в камышах. На своём любимом месте. Смотрела, как дрожат звёзды в холодной воде, и думала.

«Убегу, — решила Юта, — убегу в лес к партизанам. Пусть дядя Павел ничего не знает, я сама их найду. Вот возьму сейчас и убегу. Ночью даже лучше, немцы давно спят, и никто не увидит. Буду подрывать немецкие поезда. Один за другим. Один за другим. Никто из фашистов к Ленинграду не подойдёт. А потом пойду в разведку, проберусь в Ленинград и спасу маму...»

Юта сидела долго. Может быть, целый час. И даже вздремнула немного. Так ей хорошо мечталось про партизанскую жизнь.

— Ты кто?

Юта вздрогнула. Чуть не упала с лодки в воду. Прямо перед ней стоял в камышах Николай Сахаров. Чубатый колхозный гармонист. Говорили, что он в лесу у партизан.

— Юта...

— А-а, ленинградская, — уважительно сказал Сахаров. Он подошёл ближе и присел рядом с Ютой на лодку. — Послушай, ленинградская, я знаю, тебе можно верить.

— Откуда вы знаете? — недоверчиво спросила Юта.

— Земля слухом полнится, — загадочно ответил Николай и прищурился, — люди говорят... а может, они перепутали что? Тогда я пойду...

— Нет, нет, не уходите, пожалуйста, — горячо сказала Юта, — люди ничего не перепутали!

В стороне хрустнула ветка. Словно кто-то громко разгрыз сухарь. Юта испуганно схватила Николая за руку.

— Ничего, — успокоительно сказал Сахаров. Он приподнялся и протяжно квакнул: будто сонную лягушку потревожили в камышах. — Так вот какое дело. Нужно срочно передать Павлу Ивановичу записку, и чтоб ни одна душа не знала, поняла?

— Дяде Павлу? — удивилась Юта. — Так он же...

Николай усмехнулся.

— Завтра жду тебя с ответом. Здесь. — Гармонист наклонился к Юте и негромко сказал: — Юный пионер, к борьбе за рабочее дело будь готов!

Рука Юты взметнулась в салюте.

— Всегда готова!

Сердце её забилось тревожно и радостно.

А дядя-то Павел...

Вот тебе и «ничего не знаю!»

* * *

На крыльце колхозного клуба стоял немецкий майор. В чёрном мундире. Грудь у майора бочонком. На бочонке железный крест и ещё какие-то награды.

Рядом с майором переводчик тусклым голосом читал приказ. Казалось, слова переводчика отскакивали от толпы, будто камешки от стены. Люди смотрели себе под ноги.

— Все, кто связан с партизанами, будут расстреляны!

«Дудки, — думала Юта, — так тебе партизаны и дадутся в руки».

Павел Иванович стоял недалеко от Юты, и на лице у него было удивление. Какие партизаны? Откуда они здесь взялись?

Немцы в деревне благожелательно смотрели на старого учителя. Он всегда был рядом с ними, готовый услужить. Писал для них объявления... Им и в голову не приходило, что каждый раз, когда Юта относила куда надо его записку, — летели под откос вражеские поезда, словно сами собой подрывались на дорогах машины с фашистами.

Наконец переводчик кончил читать. Юта вопросительно взглянула на учителя. Встретив её взгляд, Павел Иванович удивился:

— Ютик, здравствуй! Давно я тебя не видел. Растёшь!

«Всё в порядке, — обрадовалась Юта, — значит, задание не отменяется и Маша ждёт меня у перелеска».

Пошёл дождь. Серая пыль на дороге примялась, потемнела.

Юта вышла из дома с плетёной корзинкой в руке. Она шагала посередине улицы и ловила ртом дождевые капли. Немцы, скучая, смотрели на неё из окон. Юта примелькалась им. Ясно, опять собирает по деревне куски хлеба. Вон сколько горбушек навалено в корзинке. А Юта совсем осмелела. Подошла к самому дому, где жили немцы, и крикнула:

— Господин немец, дай хлеба!

Толстый немец распахнул окно.

— Пошёль, пошёль, побирайка!

Юта скорчила жалобную гримасу и побрела прочь.

У перелеска её встретила Маша.

До войны Маша жила в деревне, а теперь ходила сюда изредка.

Тайком. С важными заданиями. Юта завидовала Маше. Передавать сведения, расклеивать листовки — одно, а вот воевать с настоящим пистолетом в руках — совсем другое дело.

— Молодец, Ютик, давай теперь я понесу, — сказала Маша.

Юта передала Маше корзинку и начала растирать побелевшие пальцы. Корзинка была тяжёлая.

Им нужно было пройти километра три до леса. Там их ждали партизаны. Юта и Маша шли быстро и молча. Корзинка оттягивала руки, и её приходилось нести по очереди.

Дождик кончился. В чашечках цветов и на траве сверкали дождинки. Кругом было тихо, и казалось, что нет никакой войны.

«Как хорошо было раньше, — думала Юта, — просто не верится, что такая жизнь снова настанет. Песни, книги, школа... и никто никого не будет убивать...»

— Маша, обязательно встретимся после войны, ладно? — сказала

Юта и замерла с открытым ртом. Прямо на них, из-за поворота дороги, выехали на мотоциклах немцы.

— Кто есть такие? — спросил длинный офицер в кожанке.

— Нищенки мы, — быстро заговорила Маша, приседая и кланяясь, — вот хлебца насобирали в деревне.

Из-за спины офицера выглянуло сивобородое, скомканное лицо Митьки Сычёва, пьяницы и вора.

— Никакая она не нищенка, ваше благородие! — закричал он. — Наша она, деревенская! Вот ей-богу!

Сычёв спрыгнул на землю и выхватил у Маши корзинку. Из корзинки на траву упали похожие на мыло бруски тола.

— Партизанен! — взвизгнул офицер.

Маша неожиданно ударила Юту в спину, оттолкнула её от себя.

— А ну, пошла отсюда, проклятая! Прицепилась по дороге. Сирота, говорит. Из-за тебя попалась!

Юта остолбенела. За что Маша её так? И вдруг поняла — спасти хочет.

Немцы не заметили, как Юта исчезла в кустах. Они уцепились за Машу. А когда заметили, было поздно. На бегу Юта услышала два выстрела. Маше удалось выхватить пистолет...

Ночью Машу расстреляли.

И этой же ночью Юта вместе с Павлом Ивановичем ушла в лес.

* * *

Палатки, шалаши, землянки росли, будто грибы, под каждым деревом.

— Что, ленинградская, много нас?

Из-за мохнатой ели вышел Николай Сахаров. В волнистом чубе — сосновые иголки. На груди — немецкий автомат.

Юта с завистью смотрела на автомат. Вот бы ей такой!

— Меня за тобой командир послал. Идём, идём, детский сад!

Николай добродушно подтолкнул Юту вперёд.

В командирской землянке людно.

— Ютик! — грузный седой мужчина обнял Юту и усадил рядом с собой на берёзовый чурбак. — Скоро придёт самолёт и отправит тебя на Большую землю. Учиться будешь. Война — дело взрослых.

Командир говорил медленно. Слова его падали, будто камни на дно пруда. И от них кругами расходилась обида.

Юта сердито вырвалась из крепких рук командира.

— Значит, учиться поеду, да? Буду сидеть и ждать, пока другие для меня хорошую жизнь завоюют? Не поеду! Не имеете права!

Юта выхватила из кармана пионерский галстук, быстро повязала его поверх телогрейки.

— Не имеете права! — снова крикнула она.

— Вот это да! — партизаны засмеялись.

— Оставьте её с нами, товарищ командир! — попросили они.

Хмурое лицо командира засветилось улыбкой.

...Мальчишка в рваной шапке, босиком, с нищенской сумкой через плечо брёл по деревне. От дома к дому.

Возле немецкого штаба мальчишка задержался. Он подходил к каждому немцу и подолгу клянчил хлеб. Немцы отмахивались от него, как от назойливой мухи.

К штабу подошла пьяная компания полицаев. Они громко говорили о чём-то. Храбрились друг перед другом и перед немцами.

Мальчишка сунулся к ним. Протянул руку и запищал тонким жалобным голосом:

— Дяденька полицай, дайте сироте хлебца-а-а-а!

Один из полицаев наклонился к мальчишке и увидел неожиданно яркие синие глаза. Мальчишка отшатнулся от него и побежал.

Полицай замер. Он точно пытался что-то вспомнить. Потом выхватил наган и бросился за мальчишкой. Этот полицай был... Сычёв.

Полицай выстрелил, но мальчишка петлял по улице, как заяц. Скоро он совсем скрылся за домами.

...Через полчаса, возбуждённо поблёскивая синими глазами, Юта докладывала командиру группы, сколько пулемётов возле немецкого штаба и где они расположены.

* * *

— Блокаду прорвали! Блокаду прорвали! Ур-ра!

Юта забыла, что она партизанка, разведчица. Она прыгала на одной ноге, как первоклассница, и хлопала в ладоши.

Мороз щипал её за нос. Веселил. Румянил щёки. Колючие, холодные снежинки лезли за воротник полушубка.

Партизаны окружили Юту. Кто-то уже успел разложить на снегу бездымный партизанский костёр.

Качнулись толстые лапы ели, роняя снег. На поляну вышел командир отряда и армейский полковник. Вот уже несколько дней как партизаны соединились с частями Советской Армии.

Командир постоял минуту, наблюдая, потом улыбнулся и шагнул в круг.

— Поздравляю, Ютик!

— Спасибо! — звонко крикнула Юта и спросила: — А правду говорят, что мы пойдём в тыл к фашистам помогать эстонским партизанам?

— Правду, — сказал командир. — Но тебя я взять не могу. И не проси. На этот раз твёрдо. Поедешь в Ленинград к маме. Это приказ.

Павел Иванович подошёл к Юте. Поправил ей сбившуюся на затылок шапку. Заглянул в мокрые глаза.

— Ну, ну, Ютик, не плачь. Приказ командира — закон, — грустно проговорил он. — Надо его выполнять. На то ты и партизанка.

Юта сердито растёрла варежкой слёзы по щекам.

— Приказ? Пока по нашей земле ходит хоть один фашист, я не уйду — и всё!

* * *

Партизаны уходили всё дальше и дальше в тыл врага. Ветер хлестал по лицам, забивал снежной пылью рот. Острые ледяные торосы преграждали путь. Люди скользили, падали, поднимались с трудом.

И вдруг, перекрывая шум ветра, над ледяным вьюжным полем взвился тоненький детский голос.

Ну, споёмте-ка, ребята-бята-бята, -бята...

Голосок старался побороть метель, холод, усталость...

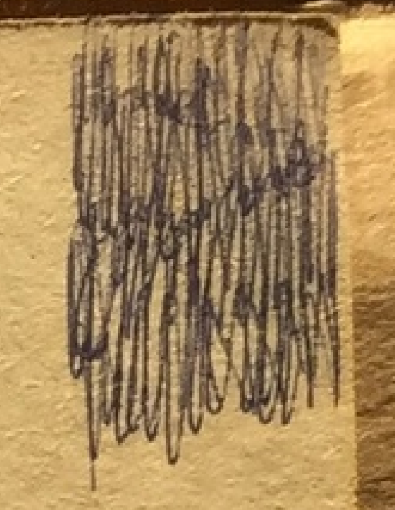
...И на солнце, как котята-тята-тята-тята,
Грелись этак, грелись так-так-так...

Командир оглянулся. Юта!

Хриплыми, простуженными голосами партизаны подхватили песню.

Песня крепла. Детский голос звенел над торосами. Звал вперёд. Подбадривал усталых. И люди шли. И уже никто не падал.

На вторые сутки отряд вышел к эстонскому берегу. Небольшой хутор слабо светился в тёмном лесу. Там были еда и тепло. Главное — тепло. Но за каждым кустом мог притаиться враг. Надо было обязательно выслать разведку. Но кого послать? Люди устали так, что не могли сделать и шагу.

Юта подползла к командиру.

— Схожу, — выдохнула она.

И командир сказал:

— Иди, дочка.

Немцев на хуторе не оказалось.

Партизаны расположились на ночлег. И никто не заметил, как один из жителей хутора скрылся в темноте.

Юта спала крепко, даже во сне прижимала к себе автомат. Внезапно густую ночь разорвали выстрелы. Юта вскочила, стала растирать глаза обмороженными пальцами. Руки не слушались.

Дверь в избу распахнулась.

— Немцы!!!

Сон слетел мгновенно. Юта бросилась следом за партизанами.

— Куда?! — крикнул командир. — Назад! Без тебя справимся!

Но разве Юта могла сидеть в избе, когда товарищи бьются насмерть? Сжимая автомат, она выбежала на улицу.

Соседняя изба горела. Яркое пламя полосовало чёрное небо, и в его отсветах хорошо были видны немцы.

Партизаны пошли в атаку. Вместе с ними шла Юта.

Неожиданно сзади застрочил немецкий пулемёт. Юта стремительно повернулась на выстрелы, пошатнулась и упала на снег.

— Юта, Ютик, ты ранена?

Юта попыталась подняться и снова упала. С автоматом на вытянутых руках.

* * *

В музее истории Ленинграда есть небольшая витрина. Ленинградские мальчишки и девчонки часто приходят сюда и подолгу смотрят на фотографию девочки в берете, с удивительно живыми синими глазами.

Девочка на фотографии улыбается. И ребята знают — она рада их приходу. Потому что такие, как Юта, не умирают.

Они вечно живут с нами.

И ребята приносят ей цветы.
— Здравствуй, Юта!

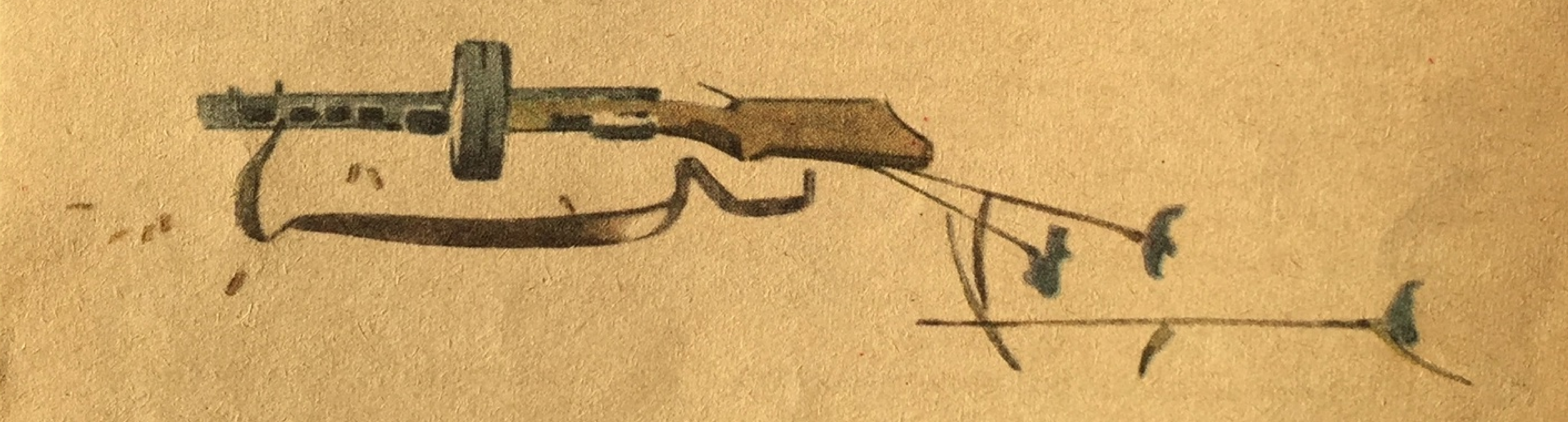
* * *

Юта родилась 6 января 1928 года в деревне Залозы Псковской области.

Юная партизанка награждена посмертно медалью «Партизану Отечественной войны I степени».

В дни празднования 20-летия Победы над фашистской Германией Юта Бондаровская была награждена орденом «Отечественной войны I степени».

Красные следопыты 158-й и 193-й школ Ленинграда прошли по следам 6-й партизанской бригады, в которой Юта Бондаровская была разведчицей. Они собрали большой материал, встретились с товарищами Юты по 4-му партизанскому отряду.

20 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Жанна Браун

ЮТА БОНДАРОВСКАЯ

Художник В. Юдин

Редактор **О. Лебедев**. Художественный редактор **О. Ведерников**. Технический редактор **О. Кистерская**. Корректоры **Н. Пьянкова**, **Н. Шадрина** и **С. Бланкштейн**.

Сдано в набор 29.09.78. Подписано в печать 27.03.81 60×90/8. Бум. офс. № 1. Гарн. «Джил-санс». Печать офсет. Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд л. 1,95. Тираж 150 000 экз. Изд. № 872. Заказ № 424. Цена 20 коп. ТУ 29 01.3-72 По оригиналам издательства «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Министерство легкой промышленности РСФСР Российское промышленное объединение по производству игрушек «Роспромигрушка» Московский комбинат игрушек Москва, 125130, ул. Клары Цеткин, дом 28.

Б $\frac{70802-160}{М\ 102\ (03)-81}$ без объявл.